

Игорь Хохлов

Герои и антигерои

Поэзия

Омск
2019

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Х86

Хохлов, Игорь Игоревич
Х86 Герои и антигерои : Поэзия / И.И.Хохлов. – Омск :
Изд. Загурский С.Б., 2019. – 80 с.

ISBN 978-5-903118-79-3

В новый сборник автора вошли стихотворения, написанные в 2016–2019 гг.

Книга издана при поддержке Союза российских писателей, на грант Министерства культуры РФ (2019).

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-903118-79-3

© Хохлов И.И., поэзия, 2019
© Оформление. ИП Загурский С.Б., 2019

I

ВОТ СТИХИ ТВОИ

* * *

Время поэтов неровных,
время колючих.
Раз плодоносит шиповник,
осень на ключик

строго запрет это лето,
как пережиток.
Время неровных поэтов,
дядек небритых.

Это вот я, скоро тридцать
мне на бумаге.
Спой, дорогая сестрица:
всё это враки.

Спой, что я тонкий подросток,
бледный, безусый,
выплывший из девяностых
юркой медузой.

Спой, мне немного обмана
на душу надо.
Знаю, что прежним не стану.
Тоже не рада?

* * *

есть у бурята старый конь, и говорит бурят
коню: «вперёд» — мороз ли, дождь, не говорит: «назад».
а у коня есть только жизнь, единственная жизнь,
и птицы говорят ему: ты как-нибудь держись.

и травы говорят ему, и небо говорит,
а у коня и здесь, и там, и дальше — всё болит.
до свадьбы (что там говорить) навряд ли заживёт,
осталось пару лет пылить, а может, даже год.

поговори, звезда, с конём — я так скажу звезде,
взойди над ним, когда уснём, ты над Улан-Удэ,
когда суровый спит бурят с буряткою своей:
поговори, он будет рад, пойми и пожалей.

* * *

эта фотография устарела,
этой фотографии столько лет:
плёночной, цветной, но не чёрно-белой.
прошлому давай передай привет,

а ещё — всем знавшим тебя девицам,
тем, что улыбались тебе, юнцу:
замужем они, им уже под тридцать,
и романтика вряд ли кому к лицу.

вот отсчёт обратный — густые двадцать,
гордые шестнадцать, стакан вина...
память может сколько угодно клацать:
вот и клацает и лишает сна.

сводит мышцы что-то и сводит скулы,
не найдёшь таблеточку, что спасёт.
дядя с бородой, Человек Олдскульный:
в прошлом остаёшься, идёшь вперёд?

* * *

подкину вверх свою копеечку,
чтоб обернулась лепестком,
листочком, лучше — лёгким семечком:
и станет, может быть, потом

не денежным мещанским деревом —
пусть будет дуб, пусть будет вяз,
что вырастет в себе уверенным,
наладит с небесами связь.

но у копеечки особое
есть мнение на этот счёт:
желает быть она лишь тополем,
других раскладов не даёт.

а тополей и так немало здесь,
известен их настырный пух.
копеечка — не символ жалости:
велик в тебе бунтарский дух!

а если вверх тебя подброшу я,
что ты вовек не упадёшь?
скажу: лети, моя хорошая,
встречая снег, встречая дождь.

* * *

что там во фляжечке Хемингуэя?
предположить я — и только — сумею:
русская водочка от Анастаса
или особенно сладкая фраза?

может быть, херес, а может, и виски,
может быть, моря Карибского брызги.
может, надежда. зачем я гадаю?
или в ней скрыта легенда седая?

может, последняя тайна хранится, —
вы не найдёте её на страницах.
Хем нам не скажет. и мы не откроем
фляжку, — герои и антигерои.

* * *

если я просплю, не тормоши —
может, жизнь во сне я проживаю:
в русском поле рядом не души,
только в небе туча дождевая —

это снится, это снится мне.
солнце не палит и ветер ласков.
хорошо с собой наедине,
вдалеке от пастухов-подпасков,

в море гречки, океане ржи
или в тёплом озере пшеницы.
если я просплю, не тормоши:
вряд ли это снова мне приснится.

* * *

так они расстались из-за дефиса:
он писал «со-знание» каждый раз,
а она продвинутая девица —
прогнала долой человека с глаз.

и ещё с дефисом писал он что-то,
присылал какие-то ссылки он,
и себя — в реке широченной — фото
(что это за люди со всех сторон?)

...говорят, он продал свою квартиру,
говорят, уехал на ПМЖ
на границу небытия и мира,
и переродиться успел уже.

* * *

каждый день на работа проверяют,
каждый день картиночки подставляют,
чтобы выбрал какие-то я гидранты,
чтобы выбрал какие-то я машины.

у меня мозги от всего квадратны:
а ведь мне работать, ведь я мужчина.

а ведь мне работать, видать, до гроба,
каждый день доказывая: не робот.
трачу драгоценные я минуты,
и минуты складываются в часы так.

двигаюсь по кругу, как моль по снуду,
времени всё меньше, а мир так зыбок.

* * *

каждый предмет есть хранилище смысла,
ежели даже предмет — коромысло,
ежели даже предмет раскурочен,
ежели даже предмет между прочим

в тёмном чулане полвека хранится
и называется Толстою Спицей,
или, допустим, он — Гриб Для Носка —
что-то в нём есть — это наверняка.

чем-то он пахнет, к нему прикасались
Нежность и Радость, Тревога и Жалость.
чем-то он дышит, хотя бы и пылью:
«жаль, — говорит, — обо мне позабыли».

куплен ли, выточен, сделан руками,
преподнесён ли прекраснейшей даме,
найден, обменян, нашла ли собака —
в каждом предмете есть что-то, однако.

* * *

ты не бойся стоматолога,
многоопытный он врач:
дурни есть вокруг да около, —
вот от них скорее спрячь
самого-себя-товарища,
маленького бунтаря,
стоматолог — дядя знающий,
всё, что сделает — не зря.

ты зайдёшь к нему, бахилами
так опасливо шурша —
помни: все выходят милыми,
есть перестают с ножа
и рекомендуют доктора
всем приятелям-друзьям.
ты не бойся стоматолога,
он не кровопийца там.

* * *

ты не выйдешь, ты не выйдешь: —
я под окнами стою,
песенку пою на идиш,
песню тёплую свою.

заругается маманя,
батя выйти пригрозит,
но оставит на диване
тело и радикулит.

я пою всё, я пою всё
под окошком под твоим, —
скоро финиш, не волнуйся,
песня превратится в дым.

я уйду к себе в каморку,
в съёмный угол за углом
и вздохну привычно горько,
неудачей уязвлён.

я не выйду в интернеты,
не отвечу на звонки, —
в алчные края уеду
от тебя и от тоски.

позабудешь, и неплохо,
ты не будешь мне верна.
завтра дальняя дорога,
лошадь, лодка, тишина.

* * *

В невероятном Севастополе
плюс пять, у нас приличный минус
и что-то тёмное случилось,
а мы ресницами прохлопали.

Ты далеко не черноморочка,
а мне не стать твоим матросом.
Снег подполковником белёсым
в открытую влетает форточку.

Спасаясь холодом от холода,
мы снова дышим учащённо.
Нас любят спальные районы
за то, что мы грустны и молоды.

Реальность есть альтернативная:
в ней мы живём близ Альтаира,
в ней мы приобрели квартиру
с межзвёздной клейкой паутиною.

В ней Doors альбом играет знаковый,
в ней ходим к искренним соседям.
Дадут ракету, и уедем.
Ну, улетим. Суть одинакова.

* * *

МФУ печатая проскрипит
вот стихи твои можно руки греть
поживи ещё и нажми гереат
не запала кнопка уверен ведь

не запала кнопка и есть запал
да и порох есть как не быть ему
и ещё ты главного не сказал
чтобы так по сердцу и по уму

чтобы так без лишних корявых слов
а потом тихонечко выйди вон
МФУ поставит себя на off
и никто не сможет нажать на on

* * *

играет вечное на трубе
приезжий бронзовый полубог
не думай что одному тебе
что нотам хочется между строк

твоих укрыться таких команд
не дал ответственный Одиссей
с огромным опытом музыкант
с высокой песней from USA

Творческий вечер

Читай, как школьник. В рифму тренькай,
а не щетинься, словно ёж:
в библиотеке чай с печенькой
ты после запросто попьёшь.

Вопросы, милые вопросы, —
но вгонят вдруг они во мрак.
Подумать: пуст, как папироса,
рассыпавшая свой табак.

И, между немотой и речью,
ты будешь ком давить в груди,
но отразят на сайте встречу
событий радостных среди.

* * *

жизнь пошла не по скрипту,
слишком много багов стало.
в техподдержке — ту-ту-ту,
ожидайте, и — сначала.

нужно перезагружать
жизнь — рабочую лошадку,
потому что некий тать
за плечом смеётся гадко.

дисбаланс огромный внёс
и нарушил что-то в коде.
ладно, внёс. но вот вопрос:
почему же не уходит?

видно, ожидает, гад,
как латать ошибки буду:
дилетантски, наугад,
или дозвонюсь кому-то?

* * *

человек стареет, пропускает юбки,
на полях тетрадных лютики рисует,
совершает утром тихие покупки,
обсчитаться крупно без очков рискует.

а ведь было время! авиабилеты,
здравицы, Тбилиси, гроздь винограда,
оттепель, Тарковский, грозная комета.
настаёт за это, видимо, расплата.

внуки не приходят, не приходят дети,
женщины не едят, холодок по венам.
улететь бы в вечность на вон той комете,
что хвостом махнула в восемьдесят энном.

* * *

коллектор бьёт антиколлектора,
а зачарованный народ
на это смотрит поздним вечером,
итога пламенного ждёт.

антиколлектор по сравнению
с коллектором — так, легковес,
но борется он, тем не менее,
и от небес не ждёт чудес.

но проиграл он, и расходится
народ по сумрачным домам,
грустят на небе туча-модница
и облако-кредитоман.

* * *

вся власть советам? или совам,
уже руководить готовым?
да, важно не куроводить,
а именно — руководить.

и совы победят в дебатах,
ведь совы — те ещё ребята,
мудры, спокойны и умны,
и лучший выбор для страны.

утрутся и уймутся тролли,
и выберет свою волей
народ помощников для сов:
Друзь, Сиднев, Поташёв, Козлов.

Хересное

Как будто не праздник, но всё-таки праздник:
тепло, тишина, листопад.

И сахар, и херес стоят на согласных,
на общих согласных стоят,

на осени дымной, на осени дивной,
а также стоят на своём.

История движется шумно, и ты в ней,
и всё как всегда кувырком.

Но нынче спокойно, есть херес покуда.
Смотри, он ещё не почат: —
откроешь и выпьешь, а через минуту —
его позывные звучат.

Густая мелодия — в ней Пиренеи,
их сладкие ноты легки.

У нас, я не спорю, намного труднее.
Но чаще бывают стихи.

* * *

Пели корейские дети
о лете,
о Первомае,
об урожае —
и поражали
туристку из Польши.

Жизнь — она так, лотерейный билетик,
случая воля, не меньше, не больше.

Строгие папы, идейные мамы
(помните, дети, Америка близко!)
выжгли навеки напалмом рекламу.
Завтра уедет туристка.

Завтра уедет.
Останутся дети
май, мир и труд воспевать на планете.
Их защитит специальная кнопка.
Что вы, туристка, так смотрите робко?

* * *

ноги бегали, ноги устали,
руки штопали, руки в печали,
за детьми четырьмя — глаз да глаз.
сколько женщин таких среди нас!

вот нетрезвый щербатый товарищ
говорит сам себе: что картавишь?
по московским дворам потайным
ходит он, и две тени за ним.

пионерка с уроков сбежала,
о кровавом дебюте не знала,
не разделит тревоги Арбат,
и родители — промолчат.

приближённый к П. Н. Милюкову
в жизни той, и учёный толковый
прочитал о беде между строк.
так понятен газетный мирок!

шахматист, с иудейством в нагрузку,
остаётся пока на закуску,
на потом. повелела Москва:
будет ход e4-e2.

в знаменателе — тридцать кровавый,
но страна, по примеру кудрявой,
на работу спешит по гудку,
гонит уголь, чугун и строку.

II

ПОД СОЛНЦЕМ МЕСТО

* * *

черносмородиновый сок
был первокласснику подмогой.
мир школы — постоянный ток:
в нём людно так, что одиноко.

две тысячи рублей 0,2 —
в бумажной упаковке — литра.
за серостью окна — листва,
осенние скупые титры.

деноминация потом
на тысячу всё поделила,
и сок не завозили. в нём
была особенная сила.

потом освоили нектар —
но это вряд ли было круче.
а мир — печален как всегда,
а счастье — это только случай.

пройдёт — потом смакуй его,
и вспоминай как сладость сока
черносмородинового,
и не суди о прошлом строго.

* * *

Со всей страны приехали в столицы
в диапазоне 18-30
музыковеды и филологини:
уверены, что станут в них другими.

Ещё — специалисты по рекламе,
имеющие профиль в инстаграме,
в них открывают школы макияжа
через какой-то год, а может, раньше.

А почему «столицы» — не «столица»?
Есть Питер. Есть Москва. И есть сердиться
на автора возможность. Правда-правда!..
А где же сам живёт и пишет автор?

А я скажу. Есть город односложный,
дымящий, огнедышащий, тревожный.
Есть в кабинете столик и алоэ,
и есть поэт. И есть его былое.

И он пока в столицы не стремится.
Решится — поплывёт, да на реснице,
да как на лодке лёгкой, верной, чёрной,
изогнутой, чуть не сказал — оффшорной.

* * *

Мы жили на проспекте Худо-Бедно
и видели детей ничейных, бледных,
спешащих ли куда-то, вдаль бегущих,
то ль догоняющих, то ль отстающих.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
любовь была взаимно безответна
друг к другу столько лет, и обречённо
смотрели на промзону, сквозь промзону.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
труба плевалась в небо, словно Этна,
мы выучили формулу этана
и покупали серую сметану.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно:
нам предлагали домик на Рассветной,
но мы привыкли к этому проспекту:
жилой массив и скромный этот сектор...

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
не пролетарии — интеллигенты,
пылились мирно жёлтые дипломы,
сухи и невесомы, как солома.

Таили, таяли, летели, стали
вечерним дымом, городской печалью.
И растворились мы в закате медном,
и нас уже не помнит Худо-Бедно.

* * *

Грустно, что Пушкин писал Бенкендорфу:
«Милостивый государь».
Летов сказал бы, что это *нездорово*,
но он не скажет, а жаль.

А Мандельштам и его Христофорыч
в тридцать четвёртом году?
Кухня. Россия. Зима. Разговоры.
Привкус несчастья во рту.

* * *

В панк-группе «Одинокий бес»
играл он, пожиратель
невинных девичьих сердец,
и годы быстро тратил.

И редко — в общем, никогда —
его видали трезвым,
но он, ходячая беда,
всех поражал эстетством.

Он был совсем супергерой
районного масштаба,
и жизнь его была игрой,
а вовсе не этапом.

Его с улыбкой вспомнят те
усталые мамани,
что ищут деток в темноте
в дворовом океане.

Его помянут мужики,
небриты и помяты,
они ему кричали: «Жги»
в распластанном *когда-то*.

И мальчик, школьник, мотылёк
не знает, кто отцом был
и кто воспел — да между строк —
родные катакомбы.

* * *

Соседка с нижней полки говорила
в пространство: «снех», «завод», «Балезино».
А мне ответить не хватало силы,
и я смотрел в печальное окно.

Я знал, что удовольствие надолго
плацкартное, и на меня взирал
с обложки покетбука В.Набоков,
могучий, словно сумрачный Урал.

* * *

Вот человек в Шымкент приехал:
выходит, озирается,
бурчит под нос себе: не к спеху.
Вокруг — улыбки в пол-лица —
снуют торговцы тем и этим,
и предлагают свой товар
наперебой, и даже детям,
и очень далеко Москва.

Теперь задача: взять такси и
поехать по своим делам.
Здесь всё иначе, чем в России.
Ворчит: «Работа завела...»
Да, завела его работа,
командировочный билет,
и повторяет для чего-то:
«Чимкент, Черняев, Неджикет».

* * *

Путём арабики, робусты,
путём кофейного зерна
иду своим, терплю, держусь там —
велит страна.

Не зная строчек Владислава,
моих — тем более: смешно —
орёл державный и двуглавый
склюёт зерно.

Какая разница: робуста?
Арабика? Что приобрёл, —
ведь всё равно в желудке пусто, —
зачем, орёл?

* * *

Живёт один поэт. Не умирает на спор
и говорит вот так, как будто невпопад:
«Мне скоро тридцать лет, но спрашивают паспорт.
Не верят ничему. Задерживают взгляд».

Коктейли он купил гремучие, и выпил,
где джин с одною «н», и тоник, и грейпфрут.
И думает: «В меня возьмут и вставят ниппель:
не воздуха дадут, а воздух заберут».

Куда-то выходить. В тираж или за водкой,
чтоб это дело взять и просто забелить.
Шуршит в кармане что? Оранжевая сотка:
там Аполлон лошадок сдерживает прыть.

Осени

Не хочется опасаться
нечаянного подвоха,
осеннего ренессанса
и выдоха после вдоха.

Позволю себе немного —
причастным хочу быть к этой —
то ласковой, то чуть строгой,
по моде своей одетой

не девушке юной — даме.
Цвета в её акварели
теплы — посмотрите сами,
а как вы ещё хотели?

И холст она приготовит,
потом с напускной прохладцей
поймает меня на слове,
но сам я готов попасться.

Проверит: надел кашне я?
Проверит: надел пальто я?
И вдаль по тропинкам с нею
пройти б — но, увы, такое

едва ли мне светит счастье:
она — надо всем, я знаю.
Но наедине встречаться
ни с кем она не желает.

* * *

Листва шуршит: «Шерше, шерше» —
и как-то легче на душе.
И этот бедный декаданс
полезнее десятков фраз —
необязательных, пустых,
произнесённых вкось и встык.

Могучий тополь за окном
готов забыться крепким сном,
но раздевается не вмиг,
а медленно, словно старик.
Старик он! Так оно и есть.
Кто посадил его — бог весть.
Был слабым — богатырь уже
и слушает — «Шерше, шерше...»

* * *

Что нравится мне в снеге? Самый снег —
он прав в своём единственном полёте.
И хорошо стоять и видеть: снег,
придумывать тончайшие мелодии.

Он музыкален, этот самый снег,
хоть небесами не обучен звукам.
Он музыкален, этот самый снег,
и нот пригоршню робко сыплет в руку.

С прохожими поделится собой,
на щёки высадится, на ресницы.
А после, со спартанской немотой,
с самим собою медленно простится.

* * *

ещё далёко мне до дедмороза
однако есть ребята борода
черна черна а вовсе не белёса
но так вот допустимо иногда

я посмеюсь хо-хо-хо-хо-хохлов
надеюсь что вы ждёте старика
на толстой шубе вышит иероглиф
китайцами в дремучие века

а в рукаве гремучее спиртное
для подзаряда в этом декабре
ребята почему вы не со мною
мы спели б возле ёлки о добре

мы спели б о свободе и о лете
и нас не забрала бы ппг
а вы зависли дети в интернете
и грустно спят подарочки в мешке

* * *

есть на юге город Омск — говорят в Норильске,
на пути леса, болота, звери, василиски,
города, в которых люди выживают как-то:
каждый третий после школы прямиком на вахту.

есть на юге град Мумбаи — знают люди в Омске.
там отлично понимают: все идет в повозке.
люди — тягловая сила, ты и прочий — тягло, —
вплоть до той поры, покуда тело не обмякло.

есть на юге город Сидней — думают в Мумбаи.
только как прожить, не сея, землю не копая?
поплывём? куда ж нам плыть-то? и мечтать не стоит.
тот обманется, кто хочет многого и спорит.

есть на юге Антарктида — знает город Сидней,
это вам не пляж элитный, не район элитный.
там есть полюс. ось втыкают раз в десятилетье.
где там север, где там юг — кто тебе ответит?

...где-то есть Норильск далёкий — начинай сначала.
я могу добавить город, если этих мало,
я могу сказать про север южными словами,
я могу поднять на юге северное знамя.

* * *

А кто бы что ни говорил —
сигары круче сигарилл,
хоть сигариллы, спору нет,
намного круче сигарет.

Последние — у папирос
выигрывают, и всерьёз.
И крепким духом табака
пропитана моя строка.

Но лучше вовсе не курить,
не кашлять, в грудь себя не бить
и стать к двенадцатой строке
козлёнком в молоке.

* * *

Ты галечка, а я голыш —
нам хорошо на берегу:
и я молчу, и ты молчишь.
И я поверить не могу,

что наконец для нас нашлось
под солнцем место, и ещё
пока не вымещает злость
рыбак, мальчишка, дурачок.

А то захочет блин пустить —
забавы ради, по воде —
тогда придется нам грустить,
на дне, в тревожной темноте.

Нас примет ил с тобой тогда —
прохладен, вязок он и нем —
боюсь, родная, навсегда,
боюсь, гальчонок, насовсем.

* * *

вот это сумрачный квартал
его СССР создал
на месте пустырей болот
теперь живёт простой народ

здесь заводчане по ночам
заводят новых заводчан
из поколение в поко
шаг производится легко

вот предсказуемый пейзаж
песочница за ней гараж
поковыряешься в песке
глядишь и ты с ключом в руке

реанимируешь жигуль
и синей изолентой руль
заматываешь за углом
маячит старость а потом

и так понятно что потом

темно в квартале заводском

вальсок

в издательском доме в издательском доме
в издательском доме родили на свет
присвоили номер присвоили номер
присвоили номер сказали поэт
поставили прямо поставили прямо
поставили к людям красивым лицом
и взгляд мой упрямый и взгляд мой упрямый
и взгляд мой без слов говорил обо всём
в глаза мои дамы в глаза мои дамы
в глаза мои дамы смотрели а я
как был стоял прямо как был стоял прямо
как был стоял прямо я прямо стоял
а после забыли а после забыли
а после забыли на полке лежу
и серою пылью и серою пылью
и серою пылью дышу

Винный романс

Я сегодня, признаюсь, вино возлюбил —
хищно пробочку вниз протолкнул:
этим фактом чужой интерес возбудил.
Говорю вам, пока не уснул:
я стоял, приобщался к вину «Каберне»,
было холодно, но не беда,
и тогда подошёл выпивоха ко мне,
попросил выпивоха тогда
на покупку бутылки спиртного помочь, —
я, подумав, вино протянул.
Было время вечернее, станция «Ночь»
ожидалась. Он рад был вину.
Месяц с неба взирал, словно доблестный страж,
календарь начинал новый год.
Вдруг сказал, даже — выдохнул нежно алкаш:
«— Тебе имя «Аркадий» идёт».

* * *

человечек, кечеволеч,
сам себя опять неволишь,
дёргаешь за нерв опять
и не хочешь отпускать.

кечеволеч — чем не майя,
не ацтек, не понимая,
почему, зачем живёт, —
винные напитки пьёт.

чем не майя, не июня,
не июля — тихо сплюнет,
и очки наденет он,
аутсайдер, чемпион.

* * *

приснилось привиделось что до зари
ребёнок кричал отомри отомри
а я ледяною скульптурой
стоял неуютный и хмурый

ударь молотком чтоб меня оживить
полей кипятком чтоб меня оживить
но слово одно повторял он
и думал что дело за малым

что прямо сейчас отомру отомру
что сам прекращу ледяную игру
и панцирь расколется сразу
по слову его по приказу

* * *

Андрею О. Фамицкому

человек назвался Эдуардом
и стаканчик кофе приобрёл,
и октябрь взял обернулся мартом,
превратился в голубя орёл.

мы живём и пишем понемногу,
кровопивцев искренне клянём,
просим всех не относиться строго
к выбору случайному имён.

я возьму с собой американо
и скажу, чтоб написали «Лев»:
строго не судите старикана —
кем не станешь только, озверев.

III

самооборона мотылька

* * *

я представляю, как вели бы
ремесленники деловые
в пятнадцатом столетии паблик
«страдающие нулевые».

и размещали бы верлибры, —
о современном в них, о страшном, —
и яд пускали бы по капле
в не подписавшихся сограждан.

* * *

Ты филолог, а я — был и буду котом:
на коленях устроюсь, усну.
Будет кто-то за стенкой стучать молотком,
открывая окошкам весну.

Будет кто-то долбёжку назло нам включать
девяностых бандитских годов.
Ты запустишь ПК, ты пошлёшь на печать
тридцать пять или сорок стихов

И. И. Хохлова. Это какой-то поэт.
«Ты его полюбила какой?» —
я проснусь и мяукну. С кота спросу нет.
Снова сплю, снится корм дорогой,

да ещё и сметана, а жирность её —
от пятнадцати до двадцати.
Вновь проснулся. Послушай родное зверьё:
к И. И. Хохлову не уходи!

Он и так проживёт. Без тебя же я, кот,
мяу-мяу, никак не смогу,
говорю же тебе, он и так проживёт,
не останется Хохлов в долгу.

Ты меня успокой. Сердце зверя болит.
Обещай, что не бросишь кота,
что, как ни был бы Хохлов И. И. даровит,
не уйдёшь от меня никогда.

* * *

составил внутренний ребёнок
один ответственный вишлист:
скелетов много беспокойных —
такой вот костяной меджлис.

скелеты правят целым миром,
пока мы с вами тут сидим
по однокомнатным квартирам,
пуская пузыри и дым.

а любознательные дети
хотят узнать всю-всю матчасть:
что в каждом спрятано скелете
и почему у них вся власть.

у взрослых — ипотечный дёготь,
долги за шубы и авто,
а детям хочется подёргать
за ниточки, понять, как что.

вы удивитесь, но скелеты
вполне лояльны к шалунам,
а иногда ещё к поэтам:
хорошим, не говорунам.

* * *

самооборона мотылька.
не об этом, впрочем, пел Меладзе —
а казалось мне наверняка
в детстве, что там вовсе не о танце.

ведь сгорит за так, за просто так —
по какой такой недоброй воле?
белый флаг? бразильский спелый флаг
будет над крылатой этой болью?

* * *

Вот это — мастер эпизодов,
профессор маленьких ролей,
а попадётся Епиходов —
сыграй, не думай, не жалеи.

И голос разминает зычный,
покачивает головой —
то безразличный городничий,
то сумрачный городской.

* * *

Григорию Медведеву

Шесть утра, и электричка
«Пушкино-Москва».
Пригород и город. Смычка.
Всё это — слова.

По своей, по доброй воле
ехать на раз-два.
Что о счастье, что о боли,
что о нас, Москва?

Не услышишь — не пытайся:
промолчит она.
Дремлют тихие китайцы
около окна.

Смычка, птичка, электричка.
Кофе, кошка, Ма...
Крестик, нолик, единичка.
Долгая зима.

И закладка в rocketbook'e
на странице 100.
Ветер за окном упругий
спорит с темнотой.

* * *

леди щиколотки прикроют,
скоро будут лежать снега,
и табличку «не беспокоить»
ледяная возьмёт река.

человеком с горячим сердцем
по холодной стране пойду:
«не хотите ли вы согреться» —
буду спрашивать на ходу.

то стихами, а то — глинтвейном:
где корица, там каберне,
где серьёзно, там и шутейно.
это нравится вам вполне.

возвращаться к делам рутинным
будет весело вам, друзья.
незаметно уйду по льдинам —
вот и песенка вся моя.

в парке

посетил забытое «колесо»
не ребёнком, а бородатым дядей:
впору вставить смайлик [рукалицо],
но такой возможности нет в тетради.

в рукаве таился коньяк КВ,
уходила сотня на каждом круге,
и звучала музыка в голове:
совершенные, неземные звуки.

и шумела преданная листва,
и совсем не думалось о закуске.
записал не ноты — слова, слова:
с музыкального перевёл на русский.

* * *

мало человеку одного
подавай волшебного другого
чтобы отрядить его в основу
первый пусть пожалует в запас

а когда тот новый надоест
первого достанет из резерва
капелек накапает от нервов
десять двадцать тридцать в самый раз

скажет земляничное прости
клюквенно бруснично повинится
а второй взъерошенную птицей
упорхнёт в открытое окно

будет значит третий и в запас
снова сядет первый вот бедняга
тот кто любит терпелив однако
и прощает то-то и оно

* * *

Ну что, всё — ОК?
Нет, смотришь в небо, замерев.
И ты, дружок —
о Ходасевиче В.Ф.

А небеса
запомнили его навек.
Забыть нельзя,
жил эмигрант, жил человек.

Июнь, Париж.
Тридцать девятый дальний год.
А ты молчишь,
и облака ведёт в поход

Его рука —
на юго-запад, в ту страну...
И облака
несут покой и тишину.

* * *

Жил мальчик, вырос человек,
ценил винил.
Его безумный новый век
ошеломил.

Он по диплому — инженер,
а продавал
на рынке финики, инжир:
тем выживал.

По возвращении домой
он ставил Doors,
шум заглушая за стеной.
Oh, yes of course.

Жизнь на измор его брала.
Но что — печаль?
Он верил — будет даль светла,
такая даль,

где ты не можешь быть чужим,
никто другой
не может, где играет Джим
опять — живой.

* * *

Кафка вышел из моды, такое дело.
Я выхожу во двор, словно птица
о тонких ногах — весьма оробело:
такой, как я, вряд ли тебе приснится.

Сбой сердечного ритма, и сбой повсюду,
пишется: «сбой», скажешь: «забей», я знаю.

Так нужно жить,
будто одна минута
есть у тебя,
далее — тьма сплошная.

* * *

знает место челядь
и в господский дом
постучать не смеет
мокнет под дождём

мокнет терпеливо
барина любя
туча цвета сливы
выплачет себя

скроется за бором
и настанет год
красный год в котором
перебьют господ

* * *

Я в супермаркете угрюмом
с учётом скидочных программ
купил афганского изюма
с патронами напополам.

Переберу его, как гречу,
омою русскою водой,
миролюбивый вечер встречу,
но где-то будет длиться бой.

* * *

поэзия стала суше
а жить остаётся меньше
а девушки что за ужас
уже превратились в женщин

и сам я давно не отрок
всё чаще зовут мужчина
но в целом держусь я бодро
мой рот не забил глиной

ещё я надеюсь даже
на лето Неву и Питер
сойти на перрон с поклажей
и в молодость снова выйти

* * *

подсознательно потянешься к тому,
кто не ставит после «здравствуй» точку —
значит, тот не поведёт во тьму,
тот не хмурый циник-одиночка.

после «здравствуй» — запятая или знак
восклицательный, а может, смайлик.
Рубик-джан, — скажу ему, — я — Валик,
твой соратник, навсегда кунак.

настоящий человек, я вам скажу —
а не кто-то там с прокисшей миной,
сетевой обманут паутиной,
дикобразу брат, кузен ежу.

* * *

из молодильных яблок — смузи:
прими — и в восемнадцать лет
вернись, но скажут мне: не суйся,
тебе туда дороги нет.

нет, это яблоки раздора!
а ты подумал, дуралей,
что в них скрывается атоме,
что снова станешь юным скоро,
и двести отстегнул рублей.

* * *

почему говорят не окей а окай
мельтеши перед ними мельчай и мелькай
эти люди которые вряд ли с тобой
согласятся в кино на концерт и домой

а я сам говорю не окей а добро
и сменил бы прописку свою на дупло
приспособленное для большого меня
так и жил бы и жил бы орешки храня

* * *

Роковое — во всём и везде!..
Аполлон Коринфский

Аполлон Аполлонович К.,
одноклассник Володи Ульянова,
позабыли вас наверняка,
ничего не вернуть теперь заново.

Заслонили вас Брюсов и Ко,
отнесли к декадентам уверенно, —
одинокое стоять, нелегко
на обочине имени Ленина.

на берегу

настаивается печаль
рябиною на коньяке
не проезжай причаль причаль
кричу в парадном пиджаке

но пароходу твоему
пришвартоваться не дадут
я закурю пиджак сниму
а ты продолжишь свой маршрут

глядишь в селении другом
мужик в накидке от дождя
предложит руку сердце дом
от берега не отходя

* * *

у меня есть деревянная расчёска
для моей курчавой бороды.
в баночке пока ещё хватает воска,
чтобы были волосы густы,
уточню: чтобы они держали форму,
чтобы не трепались на ветру,
чтобы были некапризны и покорны.
borodavporyadke.ru —
это сайт, но он пока не существует,
разберусь с делами и создам,
встрою кнопочку весёлую в нём: do it,
всё расставлю по своим местам.

* * *

А панки местные пытались
слова для «Песни барсука»*
придумать, но — какая жалость —
нет подходящих слов пока.

Локация: ул. Романенко,
пос. Чкаловский. Десятый год.

На ручке зеленеет венка,
вздувается на ножке венка,
но всё до свадьбы заживёт.
Где Игорь Фёдорович Летов
ходил, они сидят, асфальт
горяч, подстелена газета,
так как её совсем не жаль.

И гитаристка молодая
в бандане чёрной и лихой
слова и фразы подбирает
и выбивает ритм рукой, —
но заколдована как будто
вот эта песня. Слов не взять:
всё потому, что это — чудо,
а чудо улучшать нельзя.

* Инструментальная композиция
группы «Гражданская оборона»

* * *

Дело делается, генератор постов
за меня что-то пишет, точнее
будто кто-то невидимый горсточку слов
меж собою тасует. А где я?

Консерватор, стою я на страже пока,
крепостушку свою защищаю,
но всё ближе ко мне, как чужие войска,
непонятная сила иная.

* * *

есть в Бутане Министерство счастья, —
счастья коэффициент велик.
кто специалист по этой части?
местный житель, сухонький старик.

у него в руках латунный Будда,
статуэтка, лакомый кусок
для туриста, верящего в чудо,
в то ещё, что он — не одинок.

* * *

Ты ещё наберёшь обороты,
но, с каким-то апгрейдом в груди,
всё равно финиширует кто-то
на полкорпуса впереди.

И цветастая лента порвётся
под напором его молодым.
Спой про то, как всегда остаётся
только дым, только пепел и дым.

Отступи и смешайся с толпою,
повторя знакомый мотив.
Как всегда, занимаешь второе,
майку лидерства не замочив.

Содержание

I

ВОТ СТИХИ ТВОИ

«Время поэтов неровных...»	5
«есть у бурята старый конь, и говорит бурят...»	6
«эта фотография устарела...»	7
«подкину вверх свою копеечку...»	8
«что там во фляжечке Хемингуэя?...»	9
«если я просплю, не тормози...»	10
«так они расстались из-за дефиса...»	11
«каждый день на работа проверяют...»	12
«каждый предмет есть хранилище смысла...»	13
«ты не бойся стоматолога...»	14
«ты не выйдешь, ты не выйдешь...»	15
«В невероятном Севастополе...»	16
«МФУ печатая проскрипит...»	17
«играет вечное на трубе...»	18
«Читай, как школьник. В рифму тренькай...»	19
«жизнь пошла не по скрипту...»	20
«человек стареет, пропускает юбки...»	21
«коллектор бьёт антиколлектора...»	22
«вся власть советам? или совам...»	23
«Как будто не праздник, но всё-таки праздник...»	24
«Пели корейские дети...»	25
«ноги бегали, ноги устали...»	26

II

ПОД СОЛНЦЕМ МЕСТО

«черносмородиновый сок...»	29
«Со всей страны приехали в столицы...»	30
«Мы жили на проспекте Худо-Бедно...»	31
«Грустно, что Пушкин писал Бенкендорфу...»	32
«В панк-группе «Одинокий бес»...»	33
«Соседка с нижней полки говорила...»	34
«Вот человек в Шымкент приехал...»	35
«Путём арабики, робусты...»	36
«Живёт один поэт. Не умирает на спор...»	37
Осени	38

«Листва шуршит: «Шерше, шерше»...»	39
«Что нравится мне в снеге? Самый снег...»	40
«еще далёко мне до дедмороза...»	41
«есть на юге город Омск — говорят в Норильске...»	42
«А кто бы что ни говорил...»	43
«Ты галечка, а я голыш...»	44
«вот это сумрачный квартал...»	45
вальсок	46
Винный романс	47
«человечек, кечеволеч...»	48
«приснилось привиделось что до зари...»	49
«человек назвался Эдуардом...»	50

III

самооборона мотылька

«я представляю, как вели бы...»	53
«Ты филолог, а я — был и буду котом...»	54
«составил внутренний ребёнок...»	55
«самооборона мотылька...»	56
«Вот это — мастер эпизодов...»	57
«Шесть утра, и электричка...»	58
«леди щиколотки прикроют...»	59
в парке	60
«мало человеку одного...»	61
«Ну что, всё — ОК?..»	62
«Жил мальчик, вырос человек...»	63
«Кafka вышел из моды, такое дело...»	64
«знает место челядь...»	65
«Я в супермаркете угрюмом...»	66
«поэзия стала суше...»	67
«подсознательно потянешься к тому...»	68
«из молодильных яблок — смузи...»	69
«почему говорят не okay а okay...»	70
«Аполлон Аполлонович К. ...»	71
на берегу	72
«у меня есть деревянная расчёска...»	73
«А панки местные пытались...»	74
«Дело делается, генератор постов...»	75
«есть в Бутане Министерство счастья...»	76
«Ты ещё наберёшь обороты...»	77

Литературно-художественное издание

Игорь Игоревич **Хохлов**

ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ

Поэзия

Книга издана в авторской редакции

Дизайн обложки
Игорь Хохлов

Корректурa
Игорь Хохлов

Координаты автора в сети Интернет:

vk.com/igorikhokhlov

e-mail: ingvar-beloslav@mail.ru

Подписано в печать 29.09.2019

Формат 60×84/16. Бумага офсетная, печать оперативная.

Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 1,0.

Тираж 300 экз. Заказ 579

Отпечатано с готового оригинал-макета

в Копировальном центре «Акцент»:

644024, Россия, Омск, Лермонтова, 8 • 311277@inbox.ru